

Н.И. Никифоров

НОМО OECONOMICUS

Говоря об «экономическом» человеке, я имею в виду не отвлеченного экономического человека, безграничного эгоиста, разумного автомата, руководящегося *исключительно* (здесь и далее выделено автором. — Т. Я.) личным экономическим интересом, однородного во всех странах и во все времена, сотворенного Иеремией Бентамом¹ и Давидом Рикардо², и до сих пор еще не вполне изгнанного из теории экономической науки, но вполне реальный тип «экономического» человека, руководящегося в своей деятельности *преимущественно* экономическими интересами.

Гениальный Вильфредо Парето³ полагал, что «чистая политическая экономия» должна, подобно теоретической механике, изолировать отдельные части явления и изучать их порознь, с тем, чтобы впоследствии соединить в одно целое. Чистая экономия должна упростить сложную действительность, принять простейшие изолированные условия и простейшего *homo oeconomicus* — своего рода гедонистическую молекулу, чтобы сделать возможным аналитическое исследование. После такого исследования должна наступить синтетическая стадия, т.е. объединение аналитических данных чистой экономики и других социальных наук для объяснения сложных реальных социальных явлений. Реальный человек гораздо сложнее, чем «экономический» человек: он руководствуется не только экономическими интересами, но и политическими и религиозными и эстетическими и т.д. Коротко говоря, реальный человек — *homo sociologicus*, поведение его находится под влиянием многих мотивов, отклоняющих и изменяющих влияние чисто экономического мотива. Таким образом, В. Парето от «чистой экономики» пришел к социологии*.

Но реальные «социологические» люди неодинаковы. В силу естественного закона природы, «железного закона неравенства»),

---

* Sorokin P. Contempor. Soc. Theories. ch.1 — Sorokin P., Zimmerman C. Principles of rural-urban Sociology. 1929. ch. 1.

люди с момента зачатия различаются между собою и физически и психически. Каждый реальный человек различным образом реагирует на экономические, политические, религиозные, эстетические и пр. мотивы; не все эти мотивы воздействуют на него равным образом; один из мотивов может оказывать преимущественное влияние на поведение данного индивида. Так, например, один человек в своем поведении будет руководиться преимущественно мотивами религиозными, другой — политическими, третий — экономическими и т.д. Таким образом, мы имеем дело с различными типами «социологического» человека и среди этих типов известное место занимает и тип «экономического» человека. Проблема этих типов есть в значительной степени проблема психологии.

Современная психология установила многообразие психологических типов. Проф. К. Юнг⁴ в заключении к своему исследованию о психологических типах пишет: «Ни одно социальное законодательство не сможет пройти мимо психологического разнообразия людей, этого необходимого фактора жизненной энергии в человеческом обществе. Поэтому очень полезно говорить о разнородности людей... И факт различных типических установок является перворазрядной проблемой не только для психологии, но для всех тех областей науки и жизни, в которых психология играет решающую роль»^{*}.

Г. Ле Бон⁵ уже много лет доказывает, что различие психологии является главным препятствием для установления взаимного понимания между народами: «Многочисленные конференции достаточно показали, насколько неустранимы различия чувств и мыслей между народами. Так как одинаковые слова не вызывают одних и тех же идей в различных сознаниях, то в их взаимоотношениях господствует полное непонимание»^{**}.

Итак, существуют различные типы «социологического» человека и, в зависимости от преобладания в данном обществе того или иного типа, само общество будет отличаться или преимущественно экономическими, или религиозными, или политическими или иными признаками.

---

^{*} Юнг К.Г. Психологические типы. 1929.

^{**} G. L e Bon. Evolution actuelle du Monde. 1928. ch. 11.

Экспериментальная психология выработала довольно надежный метод определения коэффициента интеллигентности посредством испытаний «тестами». Коэффициент интеллигентности выражает отношение умственного возраста к возрасту хронологическому. Лицо, не отставшее от своих лет и не опередившее их, имеет К.И.=100. Лица, опередившие свои годы, имеют вариации К.И. от 100 до 140; лица, отставшие от своих лет, имеют вариации К.И. от 20 (идиотизм) до 90.

На основании испытаний «тестами» можно представить графически распределение интеллигентности в исследуемой группе и даже в целом обществе. К сожалению, пока еще не выработаны методы измерения экономических способностей людей*. Однако, как индивиды, так и целые группы, обладают разными экономическими способностями, равно как и другими признаками. Следовательно, можно гипотетически допустить, что, при применении соответствующего метода измерения, люди обнаружили бы разные степени экономической способности, и полученные данные можно было бы изобразить графически соответствующей кривой распределения этого признака.

В каждом обществе встречаются люди с крайне слабыми, средними и сильными экономическими способностями и интересами. Отметим при этом, что не существует строгой взаимозависимости между экономическими и прочими способностями. Франциск Ассизский⁶ или Серафим Саровский⁷ показали бы, вероятно, крайне низкий коэффициент экономической способности.

В свою очередь, Козимо Медичи⁸, Фуггер⁹, Ротшильд¹⁰ или Вандербильт¹¹ едва ли показали бы высокий коэффициент религиозности. Сказанное будет справедливо и в отношении групп. В зависимости от преобладания в данном обществе тех или иных способностей и интересов, его цивилизация будет иметь различный оттенок. Нация может проявить себя, по крайней мере, в какой-либо период своей истории, великими достижениями в области религии, философии, искусства, но в то же время развить очень слабую экономическую организацию. Высокая цивилизация может возникнуть и при отсутствии высокой техники

---

* Попытки в этом направлении происходят. См.: J. Donaldson Ph. D. Intern. econ. relations. 1928. ch. II.

и сложной экономики. И, наоборот, при высокой технике и развитой экономике нация может не проявить себя в других сферах деятельности человеческого духа.

Когда марксисты проповедают, что «бытие определяет сознание», они грубо упрощают многообразие реальной жизни и психологических типов. Этот тезис будет, по-видимому, верен в отношении некоторых людей, обладающих коэффициентом интеллигентности ниже нормального («подчеловеков» по терминологии Л. Стоддарда^{12*}), а также в отношении того типа, который характеризуется гипертрофированным развитием экономических способностей и интересов. Но бытие не определяет всецело сознания индивидов и групп, характеризующихся преобладанием других способностей и интересов, кроме экономических.

Некоторые современные экономисты определенно ставят вопрос о расовых экономических способностях^{**}. Действительно, при изучении сложности современных международных экономических отношений и их связанности с экономической дифференциацией раз личных наций, сам собою встает вопрос о причинах этой дифференциации: расовые способности или географические условия?

Граф Гобино¹³ с достаточным основанием считал, что раса носит в себе секрет экономического развития. Белая раса творит культуру и у полярных льдов и на экваторе и не видит естественных препятствий для развития своей экономической деятельности. Каждый тип культуры — проявление расовых качеств. Несмотря на протекшие века и происходившее смешение, расы остаются различными анатомически, физиологически и психически, и эти различия не уничтожаются различиями среды^{***}. Неравенство рас обнаруживается даже на первобытной ступени их развития. Самая благоприятная среда не в состоянии оплодотворить органическое бесплодие. Географическая среда Америки предоставляет богатейшие возможности для экономического

---

* Стоддард Л. Бунт против цивилизации, перев. Н. Никифорова. 1930.

** Donaldson J., Ph. D. Intern. relations, a Treatise on World Economy and Politics. 1928. ch. II.

*** Эти различия уже положили основание таким отраслям науки как расовая анатомия, расовая физиология, расовая психология.

развития, но эти возможности были использованы лишь тогда, когда в Америке появились люди, способные сделать это. И сейчас существует огромный контраст между экономическим развитием Соединенных Штатов и государств Центральной и Южной Америки, несмотря на то, что географическая среда Центральной и Южной Америки открывает не меньше возможностей для экономического развития. Очевидно, что население той и другой части американского континента экономически неравноценно.

Географическая среда Египта, Месопотамии, Спарты, Афин была менее благоприятна, но здесь высококачественное население творило высокую культуру. Известный антропогеограф J. Brunhes^{14*}, разделяя эти выводы Гобино, указывает, что финикийцы стали величайшими мореплавателями древности, несмотря на исключительно неблагоприятные географические условия побережья Сирии, где находились Тир и Сидон. Почему? Их предприимчивость, их воля преодолела неблагоприятные природные условия. Но многие народы не стали моряками при более благоприятных географических условиях.

Когда пытаются объяснить это явление тем, что скудные условия географической среды являются мощным стимулом экономического развития, то упускают из виду, что во множестве случаев скудные условия не явились таким стимулом. Одинаковые природные условия используются людьми различным образом в зависимости от врожденных импульсов, которым они подчиняются. Психологический элемент является обязательным посредником между природой и человеком. Не в самых плодородных и орошаемых местностях бывают самые богатые урожаи. Экономические успехи больше зависят от человеческой воли и усилия. Психология масс иногда раскрывает нам секрет исключительной продуктивности земли**.

Проблема влияния географической среды может быть резюмирована в нескольких кратких положениях:

История дает ряд примеров, когда в одной и той же географической среде в разные исторические периоды существовали различные типы культуры.

---

* Brunhes J. *Geographie Humaine*. t. II.

** Brunhes J. et Vallaux C. *La Geogr. de l' Histoire*. ch. II. § 3.

Культурные признаки населения могут сохраняться и с переходом этого населения в менее благоприятные условия географической среды.

Культурные признаки могут не развиваться там, где географические условия вполне благоприятны для их развития.

Культурные признаки могут исчезать, несмотря на благоприятные географические условия.

Проф. П. Сорокин¹⁵ утверждает, что относительность географического детерминизма обнаруживается также в том, что на одной и той же географической площади одновременно могут существовать различные культурные формы: племена бушменов и гереро живут в одной пустыне, но первые — охотники, а вторые — скотоводы; население Швейцарии, Пиренеев и Тибета живет в одинаковых, приблизительно, условиях географической среды, но их культура и экономика совершенно различны.

Разумеется, кроме космических условий и явлений, существующих независимо от активности человека, есть еще ряд явлений и условий, возникновение и вариация которых является прямо или косвенно результатом деятельности человека, его воздействия на окружающую его среду. Эти явления и условия относятся к категории факторов антропогеографических. Эта антропогеографическая среда в свою очередь воздействует на человека, но, во всяком случае, она не предшествует появлению человека и, являясь его творением, носит на себе печать его качеств. Качества же человека проявляются в процессе его собственного приспособления к окружающей среде и приспособления им окружающей среды к его потребностям и интересам.

Из сказанного явствует, что условия географической среды не детерминируют тот или иной культурный или экономический тип общества. Они являются лишь одним из факторов культурного развития, притом скорее инертным, чем формативным. На этот инертный фактор человек может воздействовать и делать из него выбор сообразно своим наклонностям. Биологическая необходимость заставляет человека приспособляться к окружающим его условиям, но это приспособление допускает возможность выбора, разрушения и миграции.

Географическая среда доставляет строителям культуры строительный материал, но не дает архитектурного плана. Есть

множество способов использовать один и тот же строительный материал, и есть возможность выбора строительного материала. Данную культуру характеризует свой особый архитектурный стиль и выбор материала из множества возможных стилей и материалов. Таким образом, географическая среда допускает возможность различного приспособления к одинаковым условиям, а это зависит от природных качеств самого человека*.

Граф Гобино отказывается также объяснять различия народов социальной средой, т.е. различиями социальных и политических учреждений. Ведь, сами учреждения, законы, мнения и верования представляют собой проявление расовых признаков, а не их причины; они не падают с неба и не предшествуют появлению людей. Дикари вымирают, не будучи в состоянии приспособиться к навязываемым им новым социальным условиям, не соответствующим их природе. Насильственно вводимые учреждения или остаются мертвой буквой или же приводят к гибели расу, оказавшуюся не в состоянии сопротивляться нововведениям.

По мнению Гобино, и религией нельзя объяснять различия народов. Христианство принято многими народами, но оно не изменяет их сущности: эскимос христианин остается эскимосом. Действительно, различные народы, принимая одну и ту же религию, придают ей различные формы. Согласно установленному Г. Ле Бон социологическому закону, всякое верование, переходя в новую среду, трансформируется. Именно в силу этого закона формы одной и той же религии варьируют у разных народов.

Демографическая школа социологии сделала интересную попытку установить корреляцию между численностью и плотностью населения и его культурными и экономическими успехами. Проф. М. Ковалевский¹⁶, А. Лориа¹⁷, Э. Дюркгейм¹⁸ и другие пробовали доказать, что рост населения приводит к улучшению техники производства и к более интенсивному производству. Возрастающая плотность населения означает накопление знаний, интенсивный обмен опытом и умственный прогресс. Именно в росте населения и его плотности хотели видеть главную причину перехода обществ на высшие ступени хозяйственного развития.

---

* Bogardus E. A History of social Thought. 2-nd. ed. ch. XV.

Проф. Сорокин справедливо считает подобную корреляцию весьма несовершенной. Одни количества без качества ничего не значат. Не всегда рост населения сопровождается переходом на высшую ступень экономического развития. Многие общества испытывали нищету, голод, бедствия, но в большинстве случаев выходом из положения для них был не технический прогресс, а вымирание, миграции, ограбление соседей, детоубийство и т.п.

В Бенгалии плотность населения в конце XIX века равнялась 182 душ на кв. километр, во Франции — 71, в Италии — 96, в Канаде — 0,3 и т.д. Говорят ли эти примеры в пользу демографической школы?*

Плотность населения, конечно, является важным фактором в современной экономической жизни, но сам по себе, без наличия фактора экономической способности, этот фактор инертен.

Социологическая школа, видным представителем которой является де Роберти¹⁹, придает особое значение аналитической научной мысли, как высшей форме энергии, развивающейся в результате «социального взаимодействия». Однако социальное взаимодействие может содействовать развитию высшей формы энергии лишь при наличии известных качеств индивидов, находящихся в социальном взаимодействии.

Марксизм, как известно, придает доминирующее значение экономическому фактору. С точки зрения этой теории культурное и экономическое развитие общества является результатом действия экономического фактора, не зависящего от воли людей.

Однако, такие факторы, как условия географические, биологические и психологические, возникли и действовали раньше, чем экономический фактор. Другие социальные факторы, как например, интеллигентность, опыт, религиозные идеи, суеверия, табу, *mores*²⁰, игры и т. п., встречаются уже в самых примитивных обществах и действуют одновременно с экономическим фактором. Даже на первых ступенях развития экономика неотделима от религии, магии, игр и других интеллектуальных феноменов. Для позднейших эпох влияние на экономику религии и даже религиозное происхождение современного капитализма (от протестантизма) освещено М. Вебером²¹.

---

* Sorokin P. *Contempor. Soc. Theories*. ch.VII.

Далее, если экономический фактор является исходным и все социальные перемены вызываются его изменением, то, как объяснить динамику самого экономического фактора? Или же она — *perpetuum mobile* экономического фактора, обладающего мистическими свойствами, или же она вызывается каким-то другим фактором. Но в первом случае экономический фактор, обладая мистической силой, оказывается чем-то вроде божества, а во втором — он не будет основным, исходным фактором. Так как по Марксу производственные отношения развиваются *sua sponte*²², независимо от воли людей и других социальных факторов, то из этого следует, что экономический фактор должен обладать мистической силой, т.е. является божеством, ведущим людей, помимо их воли, к какой-то цели*, которая марксистам представляется ценной**.

Очевидно, что при помощи подобной экономической мистики нельзя объяснить научно ни развития человеческих обществ вообще, ни их экономических успехов в частности. Вопрос об относительном значении фактора расового и факторов среды аналогичен вопросу об отношении наследственности и среды.

Все люди рождаются неравными. Это — закон природы. На одинаковую среду и одинаковое воспитание разные люди реагируют различным образом. И чем более люди получают воспитание и образование, тем более возрастает неравенство между ними, ибо воспитание и образование усиливают заложенные от природы различия. Латинское слово *educatio*²³ прекрасно определяет роль воспитания: *educatio* — выведение наружу того, что скрыто в человеке, а не наполнение его совершенно новым содержанием.

Кратко и ясно проблему отношения между наследственностью и средой резюмирует проф. Ф.Г. Хэнкинс^{24***}:

1. Для полного развития наследственных возможностей чрезвычайно важна благоприятная среда.

* Sorokin P., op. cit. ch.X.

** Впрочем, некоторые марксисты уже начинают постигать значение биологического и психологического факторов. Штейн в своей «Экономической политике» решительно заявляет, что высшей заповедью экономической политики является поддержание созидательной энергии нации, изучение психики хозяйствующего субъекта и побуждение биологически высших элементов к усиленному размножению.

*** Хэнкинс Ф.Г. Биологические факторы социальной жизни, перев. Н.И. Никифорова. С. 43.

2. Но среда не может создать ни новых физических признаков, ни новых способностей.

3. Именно наследственная одаренность определяет способности и энергию, необходимые для того, чтобы использовать возможности, предоставляемые средой.

Итак, мы должны искать объяснения экономической дифференциации наций, обуславливающей современное мировое хозяйство, в одновременном действии и взаимодействии двух основных факторов — расового и среды. Несомненно, что, кроме вариаций степени экономической способности, разные нации обладают еще различными экономическими склонностями, что выражается в различном характере их производства. Для примера достаточно указать хотя бы на достижения французского гения в области художественной промышленности и американского — в области механизации и массового производства*.

Вот новая Всеобщая география по странам, издаваемая *Ar.Colin*. Том I написан известным географом *Demangeon*²⁵ и посвящен Британским островам.

Британские острова! Клочок земли, равный 1/30 Европы и 1/1600 поверхности земного шара. Но на этой незначительной территории сосредоточена мощная концентрация людей: 47 миллионов при плотности 150 на кв. километр. На этой территории производятся ежедневно огромные богатства. Этот клочок суши господствует над 1/4 континентов и 1/4 населения земного шара.

Ему принадлежит 3/4 мировой добычи золота и 3/4 мирового производства шерсти. Какой величественный гимн во славу человеческой активности и гения исходит ежедневно с этих маленьких островов, которые по праву называются Великой Британией!

Неужели это потрясающее величие Англии, ее рост, благосостояние объясняется только почвой, климатом, природными богатствами и географическим положением? Ведь Англия — пример того, как человек утверждает свою независимость в отношении естественных условий.

Деманжон указывает причину величия Англии: «*В Великобритании родился парадоксальный тип нации, наиболее европейский, какой может быть. Повседневная ее жизнь зависит от*

---

* Geogr. universelle. См. рецензию в *Revue de synthese history*. t. XLV. 1928.

регулярности и успехов международного обмена». Вот этот то новый тип нации и использовал естественные условия для создания величия Англии.

Деманжон указал ключ к разрешению вопроса о причинах экономического преуспевания любой страны: характер нации, ее экономические способности.

Но возникает вопрос, почему эти способности обнаружили в данном случае, сравнительно, поздно. Почему англичане до XVI в. не проявили себя заметным образом ни в области промышленности, ни в области торговли, ни в области мореплавания?

Прежде всего, потому, что в этой стране, как и в других европейских странах; в течение долгих веков происходил медленный процесс амальгамации разных этнических элементов в единую нацию. Одновременно с этим в формировавшейся нации происходили незаметные процессы различного рода отбора. Кроме естественных процессов отбора — посредством смертности, полового и репродуктивного, действовали также процессы социального отбора, т.е. все те формы отбора, в коих главным фактором является состояние культуры, социальная организация и традиция. Сюда относятся: урбанизация, характер иммиграции, пенитенциарная система, религиозные и политические преследования и т.п. В войнах внешних и внутренних погибло, по видимому, много представителей типа воинственного, эмоционального. Ассортативные браки²⁶ поддерживали экономический тип населения в городах и обеспечивали его размножение.

Следовало бы пересмотреть всю историю Англии с точки зрения происходивших в английской нации процессов отбора, и только тогда стало бы вполне ясно, каким образом к началу нового времени в Англии народился тот новый тип нации, о котором говорит Деманжон.

* * *

В этом отношении представляет известный интерес книга американского социолога Брукс Адамса²⁷ — «Закон цивилизации и упадка»*. Она несвободна от некоторых ошибок и неясностей, которые с присущей ему остротой анализа вскрыл проф.

---

* Brooks Adams. The Law of Civilisation and Decay. 1921.

П. Сорокин*, но нам представляется весьма ценной его попытка проследить в истории Рима, а затем в истории Европы, процессы постепенного изменения самого характера общества

Б. Адамс, подобно Сен-Симону²⁸⁹, О. Конту²⁹ и Г. Спенсеру³⁰, рассматривает социальную эволюцию, как постепенный переход обществ из состояния воинственного к состоянию индустриальному.

Он придает главное значение заложенным в человеке от природы инстинктам. Эти господствующие инстинкты подразделяют людей на типы. Люди одного типа под влиянием страха обращаются в бегство, другие — переходят в нападение. Любовь к женщинам или к деньгам характерна для некоторых рас так же, как свирепость является признаком льва, а хитрость — лисицы.

Подобно всем прочим признакам, психические особенности передаются потомству. Очевидно, что эти особенности будут выгодны для данного типа до тех пор, пока существуют внешние условия, к которым он приспособился. С изменением условий судьба данного типа зависит от его более или менее успешного приспособления к новым условиям.

Вот почему часто наблюдается, что фамилии, игравшие видную роль в одну эпоху, впадают в ничтожество в другую эпоху. Это может быть следствием вырождения, но нередко происходит потому, что известная сфера деятельности, дававшая возможность возвышения предкам, закрылась для потомков.

Таким образом, в обществе непрерывно действуют процессы отбора и приспособления, создающие господствующий тип для данной эпохи.

На ранних ступенях развития общества преобладающим является тип эмоциональный, религиозный и воинственный, обладающий живым воображением. Но постепенно, по мере консолидации общества, начинает выделяться и формироваться тип экономический. Этот социальный тип достигает полного торжества, когда капитал становится контролирующей социальной силой. При таком состоянии общества вся его энергия рассеивается на экономические цели. Религиозный и воинственный типы уже не воспроизводятся, и тогда в условиях интенсивной

---

* Sorokin P. Op. cit. ch. X.

экономической конкуренции развиваются два гипертрофированных экономических типа: тип ростовщика или банкира и приспособленного к самым скудным условиям существования, прикрепленного к земле колона.

Такое общество или впадает в состояние длительного застоя и гниения, как это случилось с Восточной Римской Империей (Византией), или же распадается и освобождает место для более примитивной организации, что произошло с Западной Римской Империей. И в том и в другом случае запасы расовой энергии оказываются истощенными.

* * *

История древнего Рима начинается с возникновения военно-земледельческой общины. Основавшие ее воинственные земледельцы, были приспособлены к условиям замкнутого домашнего хозяйства, но не к условиям неограниченной экономической конкуренции. Но и в этом обществе довольно рано выделился экономический тип ростовщика. Население Рима стало испытывать гнет ростовщиков, кредиторов, по-видимому, даже в полумифический период царей. Развитию ростовщичества в крайних формах благоприятствовала фискальная система, так как взимание налогов сдавалось на откуп публиканам.

Непрерывные войны, которые Рим вел сначала на Аппенинском полуострове, затем, за его пределами, отвлекали свободное земледельческое население от хозяйства. Хозяйство приходило в расстройство, а беспощадное взимание налогов и гнет кредиторов довершали разорение массы свободного земледельческого населения.

Мудрый в совете и храбрый на войне, римский земледелец, побеждал народы и расширял пределы римского государства, но эти же качества оказались его слабостью в мирное время. В результате завоеваний Рим встретился с конкуренцией народов более экономического типа.

В Италию из завоеванных провинций хлынул дешевый хлеб и сотни тысяч рабов. Свободные римские земледельцы оказались не в состоянии выдерживать конкуренцию дешевого привозного хлеба и рабского труда. Их разоренные земли скупались публиканами, ростовщиками и нуворишами, обогатившимися на раз-

граблении провинций. Мелкое свободное земледелие исчезало, уступая место латифундиям, на которых хозяйство велось рабским трудом. Римский воин-земледелец принадлежал к тому человеческому типу, который может существовать при условии сохранения относительного высокого жизненного стандарта. Он не мог конкурировать с рабами, принадлежавшими большей частью к расам, приспособленным к низким жизненным стандартам.

Низший качественно, но более приспособленный к изменившимся условиям, социальный тип вытеснял более высокую породу свободных воинов-земледельцев. Дегенерировавшие остатки этой породы пополнили кадры римского пролетариата.

В то же время богатства, притекавшие в Рим из провинций, не задерживались здесь, но отливали в другие страны. Рим почти ничего не производил для вывоза, и его торговый баланс был систематически неблагоприятен. Деньги отливали в Египет и торговые страны Востока. В римском обществе выделился экономический тип в лице ростовщиков-банкиров, но происходившие в этом обществе процессы отбора оказались не в состоянии выделить экономический тип, отмеченный способностями к промышленности и торговле. Поэтому, когда завоевания прекратились и иссякли источники новых богатств, Рим стал испытывать все возрастающий недостаток драгоценных металлов.

Со времени Нерона³¹ начинается порча монеты. При Тиберии³² был поставлен вопрос о реформах, но, по словам Тацита³³, Тиберий ответил Сенату: «Если реформа, действительно, необходима, то, как ее начать и как я восстановлю простоту старого времени? Как реформировать моды?... Что нам делать с предметами женского тщеславия и, в частности, с погоней за драгоценностями и украшениями, что лишает Империю ее богатства и в обмен за безделушки посылает деньги другим народам и даже врагам Рима?»... Полвека спустя Плиний³⁴ утверждал, что не менее 100 миллионов сестерций ежегодно уходило только в Аравию и Индию.

Со времени Диоклециана³⁵ Рим уже перестал быть столицей мира, уступив эту роль Константинополю на границе между Европой и Азией. Политический центр последовал за экономическим и переместился на берега Босфора.

К этому времени воинственная раса, создавшая величие Рима, фактически исчезла. Когорты пополнялись варварами во-

индивидуального типа, а земля обрабатывалась рабами и колонами, приспособившимся к крайне низкому жизненному уровню.

Легионы Аэция³⁶, разбившие орды Аттилы на Шалонских полях, состояли из варваров. Рим уже не в состоянии был выдвинуть собственных вождей и престол Империи занимали испанцы, арабы, иллирийцы, далматы.

И вершина и основание римского общества выродились. Правящий класс отошел от военного дела; высшие должности становились наследственными; семья превратилась в деловой союз; рождаемость в высших классах стала катастрофически падать, тогда как приспособившиеся к низкому жизненному уровню пролетарии и колоны продолжали размножаться.

В этом обществе богатство стало самостоятельной силой. Следовательно, женщины, обладавшие богатством, стали столь же влиятельны; как и мужчины. Отсюда начало женской эмансипации в Риме эпохи упадка. Правящий класс перестал быть элитой, выделяющейся храбростью, образованием или иными достоинствами, и даже перестал воспроизводить себя.

Самое существование этого разложившегося общества зависело от наемных легионов. Но с истощением средств, правительство вынуждено сокращать вооруженные силы и оттягивать оборонительную линию легионов от Рейна и Дуная, пока не открылся свободный доступ в Империю варварам.

* * *

Пришедшие на смену распавшемуся обществу Западной Римской Империи варвары тоже принадлежали к расе воинственного эмоционального типа.

Об эмоциональном характере новых обществ, начавших новый цикл развития на развалинах Империи, можно судить по степени влияния Церкви: в ее руках с IV по XII вв. сосредоточилось около 1/3 земельной площади Европы. Все наиболее талантливое уходило в ряды клира и: монашества. Складывавшееся под влиянием церкви мирозерцание находилось в соответствии с общим эмоциональным характером средневекового общества и нашло свое выражение в идеалах теократии, аскетизма и рыцарства.

Каноническая доктрина средних веков порицала стремление к обогащению и признавала лишь две отрасли экономической

деятельности — сельское хозяйство и ремесло в сфере замкнутого домашнего хозяйства.

Но в недрах средневекового эмоционального общества происходили медленные процессы отбора. Постепенно выделялись группы, отмеченные большим или меньшим преобладанием экономических способностей и интересов. С возникновением и развитием средневековых городов процесс отбора людей экономического типа должен был ускориться. Города явились центрами, притягивавшими людей этого типа и способствовавшими дальнейшему его формированию и закреплению в благоприятной среде.

В эпоху «темных веков» раннего средневековья «экономический человек» в Европе был представлен, главным образом, евреями и арабами. В эпоху Крестовых походов новый экономический тип человека начинает заявлять о своем существовании в европейском обществе.

Первый крестовый поход начался в условиях необычайного энтузиазма. В век веры и развитого воображения ничто не могло так воспламенить энтузиазм, как призыв к религиозному подвигу. Но осуществление великой задачи с самого начала оказалось связано с экономическими проблемами. Вооружение крестоносцев, снабжение продовольствием, транспорт по суше и по морю — все это неизбежно использовалось людьми экономического типа. Венеция и другие итальянские города, где отбор этого типа произошел раньше, извлекли максимум материальных выгод из европейского энтузиазма. Последующие походы все более и более принимали характер политических и коммерческих предприятий. Четвертый поход, как известно, ознаменовался варварским разграблением христианских городов Зары и Константинополя.

Люди экономического типа во все времена отличались одним присущим им признаком: они лишены воображения и проникнуты духом скептицизма по отношению ко всякого рода магии. Этот дух скептицизма развивается параллельно развитию городов в Европе. Распространение средневековых ересей не случайно совпадает с развитием городской жизни.

Организирующей силой светского общества в эпоху раннего средневековья были личные качества, особенно доблесть и физическая сила. По мере выдвижения на сцену людей экономического типа эти личные качества начинают заменяться силой

денег. Горожане были плохими воинами, но в их руках был капитал, который начинает выступать, как самостоятельная сила. Купец Жак Кэр³⁷ — представитель этой новой силы в XIV в., а несколько позже имена Медичи, Фуггеров, Тухеров³⁸ и др. капиталистов будут стоять рядом с именами монархов. Из среды людей экономического типа стали выходить юристы — легисты, канцлеры и королевские советники.

«Экономический человек» при помощи легистов систематически стремился сузить сферу применения канонического права и заменить обычное право правом римским, более соответствовавшим психологии и интересам человека нового типа.

Церковь со своей стороны делала уступки в этом отношении. «Экономический человек» проник и в эту среду, но и, независимо от этого, деятельность Церкви оказалась в противоречии с доктриной: Церковь звала к отречению от мира и сама собрала несметные богатства. И вот, каноническая доктрина стала постепенно трансформироваться. Уже Фома Аквинат³⁹ не видел греха в умеренной торговой прибыли и формулировал учение о «справедливой» цене. Изменилось и учение о росте: установив различие между *luerum cessans u damnum emergens*⁴⁰, каноническая доктрина открыла полный простор кредитным операциям. Еще до этого распространенной формой взимания ссудного процента явилась купля-продажа ренты.

Епископ Николай Оресм⁴¹ в XIV в. интересуется вопросами денежного обращения и задолго до сэра Грэшэма⁴² формулирует закон, согласно которому худшая монета вытесняет лучшую. В том же веке ректор Парижского университета Бюридан⁴³ утверждал, что «Бывают случаи, когда в хорошо управляемом государстве рост должен быть допущен; иногда запрещение роста приносит больше зла, чем его допущение»...

Все же, несмотря на явные успехи психологии людей нового экономического типа, позднее средневековье признавало «морализованную экономию», основанную на справедливой цене, справедливом вознаграждении, добром качестве изделий, устранении конкуренции, и в потребительных целях видело назначение богатства.

Эмоциональный тип еще не исчез из средневекового общества и даже пытался бороться. Средневековые мистики и ни-

щенствующие ордена были активными борцами за ослабевший идеал аскетизма и теократии. Даже в эпоху Возрождения эмоциональный тип в лице Джироламо Саванароллы⁴⁴ сделал попытку вернуть жизнь Флоренции к средневековым началам.

Но идеалы, созданные обществом эмоционального типа, рушились. Люди экономического типа перестраивали жизнь по своему и не боялись отлучения от Церкви. Король Эдуард английский начал борьбу с папской курией. Филипп Красивый⁴⁵ низводил и возводил на престол пап и, обвинив орден тамплиеров в ереси, одновременно воспользовался огромными богатствами ордена и уничтожил огромную силу, имевшую свои основания в эмоциональной культуре прошлой эпохи, эпохи глубокой веры и развитого воображения.

* * *

Реформационные движения XIV в., рассматриваемые с излагаемой точки зрения, представляются попытками социальных групп ярко выраженного экономического типа изменить «морализованную экономию» позднего средневековья экономией, основанной на конкуренции, предоставляющей преимущество людям, одаренным экономическими способностями и интересами. Вместе с тем, сформировавшийся и распространившийся тип экономического человека стремился заменить традиционное мировоззрение новым, более соответствующим его психологии. По общему правилу эти попытки оказались успешнее всего там, где экономический тип человека был наиболее распространен и его экономические качества были наиболее ярко выражены.

После М. Вебера, взявшего в своих исследованиях религиозный фактор в качестве независимой переменной и фактор экономический в качестве функции, установившего взаимозависимость обоих факторов, мнение о сильном влиянии протестантизма на развитие современного капитализма разделяется многими экономистами.

Модный ныне философ-публицист граф Кайзерлинг⁴⁶ в «Дневнике философа» объясняет богатство американской жизни естественным результатом господствующей в Америке религиозной концепции. Все сколько-нибудь значительные христианские секты в этой стране считают, что материальный успех

есть одно из наиболее верных доказательств милости Божией. Человек, служа Богу, должен обогащаться и, наоборот, тот, кто не стремится к обогащению, кто довольствуется малым, недостаточно ревнует Богу. Это «открытие» графа Кайзерлинга несколько запоздало. После трудов М. Вебера и В. Зомбарта⁴⁷ оно уже перешло в учебники*.

Не отрицая факта влияния протестантизма на возникновение и развитие капитализма, я хотел бы отметить, что сам протестантизм явился результатом распространения в странах Европы людей экономического типа и их новой психологии.

В недавно вышедшей книге «Демократическая мистика» Л. Ружье^{48**} (следуя М. Веберу, В. Зомбарту, В. Парето, Г. Ле-Бон) дает блестящий очерк происхождения нового идеала квантитативной⁴⁹ цивилизации и устанавливает его связь с библейскими идеалами.

На этой интересной книге, поскольку она касается вопроса о формировании психологии и мировоззрения «экономического человека» нового времени, стоит остановиться несколько подробнее. Но при этом не будем упускать из виду, что тип «экономического» человека сформировался в результате действия разных процессов отбора в течение долгого времени, и закрепившиеся в нем признаки передавались и распространялись действием биологических законов наследственности. Эта точка зрения, конечно, не исключает влияния и других факторов — влияния традиции, идей, религиозных учений, социального взаимодействия, подражания, воспитания, среды естественной и среды экономической, творимой самим человеком. Очевидно, что, после того, как произошел отбор данного типа, он в последующих поколениях усиливался, усваивая накапливавшееся с каждым поколением социальное наследие. Как говорит К. Пирсон⁵⁰: «Принимая во внимание наличность смерти, мы видим, что какое бы то ни было изменение известной формы жизни может быть прогрессивным лишь в том случае, если каждый шаг

---

* Напр.: проф. И.М. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Ч. 2. С. 265–269. Изд. 6-е. 1922.

** L. Rougier. La Mistique democratique. Ses origines, ses illusions. Bibl. de philosophie scientif. dirige par le d-r G. Le Bon.

этого изменения передается ближайшему поколению. *Материально* это выражается в том, что ближайшее поколение обнаруживает те же модификации в строении организма, *духовно* — в передаче обычаев, учреждений, познаний. Последнее возможно лишь в том случае, если первое поколение выжило, и в течение некоторого времени жило до известной степени общей жизнью со вторым поколением. Эти два способа передачи — *наследственность и традиция*.

Очевидно, что если, благодаря изменению среды, традиция разрушена, мы получим сравнительно быструю дегенерацию или возвращение к более ранней стадии. Следовательно, передача приобретенных изменений по традиции в состоянии выдвинуть прогрессивное, но, сравнительно, непостоянное изменение высшего типа жизни. Это — несомненный фактор эволюции, но требующий действия подбора, чтобы приобрести устойчивый характер»*.

* * *

Гильельмо Ферреро⁵¹, кажется, первый противопоставил качественным⁵² цивилизациям древности, средних веков и Старого порядка цивилизации количественные.

Первые творили ценности духовные и эстетические, создавали религии, философские системы, право, литературу, шедевры искусства и оригинальный стиль жизни для каждого класса общества. Количественные цивилизации создавали, главным образом, ценности экономические; они стремятся к равенству условий, однообразию вкусов, нравов и производства; их идеал — повышение среднего благополучия масс, а не отбор элиты.

Л. Ружье и Ж. Валуа^{53**} уточняют это определение. По их мнению, признаком качественной цивилизации является подчинение функций производства функциям, регулирующим политику и нравственность; функции производства должны служить целям религиозным, умозрительным и эстетическим; качественная цивилизация покоится на иерархии классов. В цивилизациях количественных функции производства преобладают над функциями,

---

* Пирсон К. Грамматика науки. С. 411 и далее.

** G. Valois. *Economie nouvelle* (под девизом: *In principio erat Verbum*). 1924.

регулирующими политику и нравственность; критерий чести и красоты они заменяют критерием полезности и выгоды.

Именно эта революция и произошла в эпоху реформации под покровом религиозной идеи. Реформация ниспровергла старые скрижали ценностей, основанных на различии между духовным и мирским. Она провозгласила превосходство производительного труда и практической жизни над досужной жизнью духовенства и дворянства. Она придала профессиональным занятиям значение выполнения божественных предначертаний и осудила и аскетизм и расточительность. Усвоив древнюю семитическую идею, что материальный успех служит признаком божественного благоволения, она создала культ труда, бережливости и денег. Таким образом, реформация придала религиозную санкцию экономическим (буржуазным) добродетелям и сформировала психологию «экономического человека», психологию капиталистическую, направленную на неограниченное производство и эксплуатацию богатств.

Доктрины оправдания верой и предопределения выражали новый взгляд на жизнь. Если спасение есть результат божественного избрания, а не посредничества святых, духовенства, таинств, обрядов, молитв и аскетических подвигов, то пред Богом равны все профессии и положения; деятельность мирянина столь же благословенна, как и деятельность духовного лица. Прилежно занимаясь своим делом у прилавка или в мастерской, человек выполняет призвание, к которому Бог его призвал, а достигнутый успех служит верным признаком того, что человек предопределен к спасению. И, вот, установленный реформацией культ труда и бережливости создает силу сбережения и аккумуляцию капиталов.

* * *

М. Вебер и Л. Ружье придают огромное значение усвоению и распространению пуританской, особенно пуританской, этики для происхождения капитализма. Они также устанавливают связь этой этики с этикой библейской.

Усвоение библейской этики в эпоху реформации представляется столь же естественным и логичным явлением, как и рецепция римского права. Выделившийся и распространившийся тип «экономического» человека легко воспринимал и право и этику, соответствовавшие его экономической психологии и интересам.

Библейская этика создана реалистическим духом народа ярко выраженного экономического типа. Реалистический дух Израиля видел в материальном преуспейании награду за праведную жизнь. Эта точка зрения отчетливо проведена в Притчах, Экклезиасте, книге премудрости сына Сирахова⁵⁴, в истории Иова.

Почти то же самое провозглашали и пуританские проповедники. С исключительной силой эти библейско-пуританские идеалы были выражены Вениамином Франклином⁵⁵. Задолго до Рокфеллера, Форда и Хувера он написал книгу «Путь к богатству», выдержавшую 70 английских изданий, 56 французских, 11 немецких, 9 итальянских и переведенную на многие другие языки. Это — проповедь капиталистического евангелия: «Время — деньги», трудись, береги время и деньги, ибо деньги производительны.

Но в Библии имеется и другая мораль. Пророки тоже видели в материальном преуспейании благословение Божие, но их волновал вопрос, как нечестивый может быть богатым. Этот вопрос они разрешали в том смысле, что наступит день возмездия, день великого гнева, когда бедные и кроткие наследуют землю.

Пророки были представителями еврейского пролетариата. До Руссо⁵⁶ и Л. Толстого они выступили против цивилизации и призывали народ возвратиться к патриархальной жизни номадов. Не в городе, а в пустыне Иегова заключил договор с избранным народом. Цивилизация, от которой страдают бедные и слабые, является оскорблением Бога. Но наступит день великого гнева и возмездия. Посланник Божий — Мессия установит царство справедливости в кадрах патриархальной жизни. Это возмездие произойдет в этом мире, в материальных формах.

Но апокалипсические утопии пророков не сбывались: Иудея подверглась эллинизации, затем подпала под власть Рима, затем наступили эпоха рассеяния. И тем с большей силой распалялось воображение народа, с нетерпением ждавшего дня великого гнева, который станет началом золотого века мира и справедливости в обновленном мире.

Считая величайшей несправедливостью то, что нередко праведный бедствует, а нечестивый купается в богатстве, иудейский дух искал объяснения этой несправедливости в дурном распределении материальных благ. Иудейский дух стремится к уста-

новлению справедливости в этом мире и понимает ее, как равное распределение благ. Моральную проблему он превращает в социальную и переносит ее в область экономики.

Провозглашая богатство Божьим благословением, он, вместе с пуританизмом, был родоначальником капитализма. Но, утверждая, что блага плохо распределяются, он явился родоначальником демократической мистики и ее логического завершения — социализма.

Современные утопии представляют собой секуляризацию иудейской и иудейско-христианской апокалиптики и отличаются от нее лишь в том, что предсказывают наступление золотого века, как результат естественной игры экономических законов. Древние пророки предсказывали наступление социального переворота в кадрах народной эсхатологии; современные утописты предсказывают его, как логическое завершение неизбежной экономической эволюции.

После реформации, коммерческой революции XVI в., индустриальной революции XVIII века и Французской революции тип «экономического человека» сделался господствующим в Европе и Соединенных Штатах и распространил по всему миру свои «буржуазные» идеалы. Эти идеалы стали той целью, к которой стремился средний обыватель — и рабочий, и ремесленник, и чиновник, и средний представитель дворянства.

Л. Ружье отмечает, что именно те страны, где распространился кальвинизм, опередили на экономическом поприще страны католические. Кальвинисты выделялись своими высокими экономическими качествами и в Англии и в Голландии и во Франции. То же можно сказать о разных протестантских сектах.

Быть может, это объясняется тем, что, в качестве преследуемого меньшинства, они обратили особое внимание на занятия торговлей и промышленностью. Отчасти это могло иметь значение, но, ведь, католики, являясь где-либо меньшинством, не обнаружили этих качеств в такой степени. М. Вебер изучил профессиональную статистику местностей со смешанным населением и установил, что протестанты предпочитают профессиональное образование, а католики — либеральные профессии.

Отсюда можно было бы сделать вывод, что религия играет выдающуюся роль в выборе профессии. Во всяком случае, су-

ществует, положительная корреляция между принадлежностью к той или иной религии и экономической успешностью.

Однако, тут же должен возникнуть вопрос, почему одни европейцы усвоили протестантизм в разных формах, а другие отвергли его. Объяснения этого факта следует искать в прирожденном различии психики людей. Реформационные учения, санкционировавшие экономические добродетели, легче всего усваивались людьми ясно выраженного экономического типа.

* * *

Мир, вышедший из реформации, покоится на признании примата экономики. «Экономический человек», строящий этот мир, принял в качестве критерия прогресса развитие производительных сил, сопровождающееся увеличением и самого производства. Он стремится к беспредельному умножению потребностей и изысканию средств для их удовлетворения.

Идеал такой цивилизации — чисто количественный. Он стремится выразить все в цифрах и деньгах, повысить производительность труда в ущерб личности рабочего, стандартизовать производство в ущерб личности потребителя, навязывая ему гнетущее однообразие. Политически он приводит к капиталистической демократии, которая характеризуется приходом к власти *businessman'ov*, и в то же время — к попыткам осуществить социальную справедливость в смысле всеобщего уравнивания в материальном благополучии.

В этой количественной цивилизации человек становится рабом своих умножившихся потребностей. Созданный им чудовищный мир машин и *второстепенных* экономических потребностей начинает становиться самостоятельным фактором истории человечества. Этот мир осуждает человека на вечный труд, вечную неудовлетворенность, вечную погоню за деньгами. Это — общий закон и для капиталиста и для пролетария. В этой цивилизации ценятся лишь доходные профессии. Либеральные классы приходят в упадок. Средний человек стал менее невежествен, чем прежде, но знание его — из вторых рук; он утрачивает способность к непосредственному наблюдению и наполняет свой ум стандартизованными и вульгаризованными знаниями и идеями.

В то же время выдвигаемая количественной цивилизацией элита — элита узких специалистов. Качественные цивилизации создавали развитую во всех отношениях индивидуальность. Количественная цивилизация развивает в специалисте до чудовищных пределов лишь числитель, но все неизмеримое и невесомое ускользает от нее.

Творимая людьми экономического типа количественная цивилизация неэстетична. Рационализация, тейлоризация и фордизация развивали одну какую-либо частицу личности. Она стремится все измерить, вы несовместимы с искусством. Один только век истории старой Франции — век Людовика XIV-го, Людовика XV-го и Людовика XVI-го, создал три стиля и распространил их и свой вкус к жизни по всей Европе. Америка, при всех своих богатствах и машинизме, не создала ничего заметного в области искусства.

Но процессы отбора продолжают действовать. В то же время поразительные успехи биологии, психологии и социологии открывают перед человечеством новые горизонты. Прикладная биология — евгеника указывает способы, посредством которых человек может контролировать стихийные процессы отбора. Быть может, грядущую цивилизацию будет творить не *homo economicus* и не *homo faber*⁵⁷, но *homo sapiens* во всем богатстве и разнообразии его способностей и гармоническом их развитии.

*(Известия Юридического факультета.
Харбин. 1931. № 9. С. 177–197)*

Комментарии

¹ Бентам, Иеремия (1748–1832) — выдающийся английский философ, экономист и теоретик права, основатель утилитаризма.

² Рикардо, Давид (1772–1823) — английский экономист. Разработал первую четкую формулировку количественной теории денег, теорию ренты, трудовую теорию стоимости и др.

³ Парето, Вильфредо (1848–1923) — итальянский экономист и социолог, представитель математической школы в экономике. Широко известен «закон Парето», описывающий процесс распределения доходов.

⁴ Юнг, Карл Густав (1875–1961) — швейцарский психолог, основатель аналитической психологии.

⁵ Лебон, Густав (1841–1931) — французский психолог.

⁶ Франциск Ассизский (1182–1226) — итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев. Часто его называют самым привлекательным и популярным святым среди католиков. Родоначальник субъективизма и индивидуализма.

⁷ Серафим Саровский (1754–1833) — духовный мыслитель (в миру Прохор Мошнин). Один из наиболее почитаемых в русской православной церкви святых.

⁸ Медичи, Козимо (1389–1464) — итальянский купец и банкир, владелец крупнейшего в Европе состояния. Характерной чертой являлось широкое покровительство гуманистам и людям искусства, принесшее ему славу мецената.

⁹ Фуггеры — в XV–XVII вв. крупнейший немецкий (г. Аугсбург) торгово-ростовщический дом. Ссужали деньгами Габсбургов, за что получили права на эксплуатацию серебряных и медных рудников. В XV в. Якоба Фуггера, по прозвищу Богач, иногда называли «делателем императоров».

¹⁰ Ротшильды — династия финансовых магнатов, начало которой положил банкир Майер Амшель Ротшильд из Франкфурта-на-Майне, обогатившийся в XVIII в. на военных поставках и финансовых спекуляциях.

¹¹ Вандербильт, Корнелий (1794–1877) — американский миллионер, начинал с торговли овощами, затем создал состояние в 100 млн дол. при помощи железнодорожных спекуляций.

¹² Стоддарт, Лотроп — известный американский писатель и публицист первой половины XX в., писавший по вопросам расовых отношений.

¹³ Гобино, Жозеф-Артур (1816–1882) — граф, французский ориенталист, дипломат, социолог и писатель. Главная книга его жизни «Опыт о неравенстве человеческих рас». Данный труд считался первым серьезным обоснованием расовой теории.

¹⁴ Брюн, Жан (1869–1930) — французский географ. Один из первых теоретиков французской школы «географического человека». Автор труда «География истории» (1921).

¹⁵ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — русский и американский социолог.

¹⁶ Ковалевский, Максим Максимович (1851–1916) — русский социолог, историк. Наиболее значительные работы «Происхождение современной демократии» (1895–1897) и «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (1898–1903).

¹⁷ Лория, Акилле (1857–1943) — итальянский экономист и социолог. Автор работы «Экономическая теория политического устройства» (1886). Все явления политической жизни сводил к экономическим причинам.

¹⁸ Дюркгейм, Эмиль (1858–1917) — французский философ, педагог и социолог, основатель французской социологической школы. Развивал идею о зависимости человеческой психики от культуры.

¹⁹ Де Роберти, Евгений Валентинович (1843–1915) — философ-неопозитивист, социолог.

²⁰ mores (лат.) — нравы, относительно устойчивые способы поведения, обычаи, манеры.

²¹ Вебер, Макс (1864–1920) — немецкий социолог. Главным в философском наследии Вебера считаются работы по хозяйственной этике и социологии религии.

²² sua sponte (лат.) — по собственной воле, по собственному желанию.

²³ educatio (лат.) — воспитание, разведение, выращивание.

²⁴ Хэнкинс, Франк Г. — социолог, критик расово-антропологической школы.

²⁵ Деманжо, Альбер (1872–1940) — французский географ. Представитель французской школы «географического человека».

²⁶ Ассортативные браки — браки, при которых выбор брачного партнера по одному или нескольким признакам неслучаен.

²⁷ Брукс, Адамс (1848–1927) — американский историк и философ. Предложил ряд ключевых исторических идей о влиянии географии на политику, экономики на право, циклическую трактовку истории и др.

²⁸ Сен Симон (1675–1755) — французский писатель. Острая проницательность позволяла ему угадывать скрытые мотивы человеческих поступков. Создал живую и психологически достоверную картину эпохи.

²⁹ Конт, Исидор Огюст Мария Франсуа Ксавье (1798–1857) — французский социальный философ, основатель позитивной социологии. Главное произведение «Курс позитивной философии» (1830–1846).

³⁰ Спенсер, Герберт (1820–1903) — английский социолог. Развивал традиции позитивной социологии, использовал эволюционную теорию для объяснения социальных изменений.

³¹ Нерон (37–68 г. н.э.) — пятый и последний древнеримский император из династии Юлиев. Покончил с собой, бросившись на меч, со словами: «Какой великий артист умирает...».

³² Тиберий (42 г. до н.э.–37 г. н.э.) — древнеримский император из рода Юлиев.

³³ Тацит, Корнелий (55–117 г. н.э.) — один из величайших древнеримских историков. Крупнейшие труды «Анналы» и «История».

³⁴ Плиний Старший, Гай Плиний Секунд (23–79 г. н.э.) — древнеримский писатель и государственный деятель, ученый-энциклопедист и историк.

³⁵ Диоклециан Гай Аврелий Валерий (243–316) — древнеримский император.

³⁶ Аэций (396–454) — римский полководец, победил Агтиллу в 451 г. на Каталунских полях.

³⁷ Кэр, Жак (1408–1460) — казначей Франции, богатейший человек своего времени, алхимик.

³⁸ Тухеры, Антон, Андреас и Мартин — представители нюрнбергской знати в Германии в XVI в.

³⁹ Фома Аквинский (Аквинат) (1225–1274) — знаменитый итальянский схоластик, величайший католический святой.

⁴⁰ *Luegum cessans damnum emergens* (лат.) — неполученные доходы и реальный ущерб.

⁴¹ Оресм, Николай (1323–1382) — французский епископ, ученый.

⁴² Сэр Грешэм, Томас (1519–1579) — английский купец и финансист, основатель Королевской биржи в Лондоне, в его руках сосредотачивалась вся торговля с Испанией. Известен закон Коперника-Грешэма о денежном обращении.

⁴³ Бюридан, Жан (1295–1358) — французский философ и логик, представитель номинализма, преподаватель факультета искусств Парижского университета. Основное сочинение «Руководство по логике».

⁴⁴ Джироламо Саванаролла (1452–1498) — неутомимый итальянский проповедник и реформатор, настоятель монастыря во Флоренции, доминиканский монах, предложил заменить поземельный налог подоходным. Известен стремлением «нравственно переделать общество» и созданием христианской версии социализма.

⁴⁵ Филипп Красивый IV (1286–1314) — король Франции из рода Капетингов.

⁴⁶ Кайзерлинг, Герман (1880–1946) — граф, немецкий писатель и философ-иррационалист, проповедовал возвращение к целостности бытия через обращение к восточной мудрости.

⁴⁷ Зомбарт, Вернер (1863–1941) — немецкий экономист, историк и социолог.

⁴⁸ Ружье, Л. — французский историк, был близок школе «Анналов».

⁴⁹ Квантитативный (от лат. *quantitas* — количество) — количественный, в данном упоминании в тексте квантитативные цивилизации создают ценности экономические.

⁵⁰ Пирсон, Карл (1857–1936) — английский математик, биолог, философ-позитивист. В сочинении «Грамматика науки» (1903) дал субъективно-идеалистическую трактовку природы научного знания.

⁵¹ Ферреро, Гильельмо (1871–1942) — итальянский историк античности.

⁵² Квалитативный (от лат. *qualitas* — качество) — качественный, в данном случае в тексте — квалитативные цивилизации древности, которые творили духовные ценности.

⁵³ Валуа, Жорж — французский радикальный политик, журналист, экономист, основатель первой фашистской организации во Франции.

⁵⁴ книга премудрости сына Сирахова — одна из книг священного Писания Ветхого Завета — Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, написана около 290 г. до Р. Х.

⁵⁵ Франклин, Бенджамин (Вениамин) (1706–1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов «Декларации независимости» США.

⁵⁶ Руссо Жан Жак (1712–1778) — французский писатель и философ.

⁵⁷ Homo faber — человек умелый.

Публикация и примечания Т.А. Яковлевой